E6 445

I, 194.
E 6 445
И 335
419461

Ѳ. УСПЕНСКІЙ.

РУСЬ И ВИЗАНТІЯ

ВЪ X. ВѢКѢ.

Рѣчь, произнесенная 11-го Мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея Крещенія Руси.

Изданіе Кирилло-Меѳодіевскаго книжнаго склада при Одесскомъ Славянскомъ Обществѣ.

ОДЕССА.
Типографія А. Шульце, Ланжероновская улица, домъ Карузо, № 36.
1888.

инв. 769590

XII 211

Ѳ. УСПЕНСКІЙ.

Е 6 445

РУСЬ И ВИЗАНТІЯ

ВЪ X. ВѢКѢ.

Рѣчь, произнесенная 11-го Мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея Крещенія Руси.

Изданіе Кирилло-Меѳодіевскаго книжнаго склада при Одесскомъ Славянскомъ Обществѣ.

3114/27

1121/2

Исключена из Б-ки ИМЭП

ОДЕССА.
Типографія А. Шульце, Ланжероновская улица, домъ Карузо, № 36.
1888.

Дозволено цензурою. — Одесса, 20-го Мая 1888 года.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
769590

РУСЬ И ВИЗАНТІЯ ВЪ X ВѢКѢ.

I.

Научныя теоріи по объясненію происхожденія Руси: скандинавская или норманская и славянская теорія (несторовцы и антинесторовцы).

Въ нынѣшнемъ году исполняется 900 лѣтъ со времени просвѣщенія Руси христіанствомъ. Милліоны русскихъ людей будутъ имѣть случай привести себѣ на память обстоятельства крещенія Руси, тысячи проповѣдниковъ и сотни ученыхъ и литераторовъ найдутъ поводъ вновь подвергнуть разсмотрѣнію и обсужденію событія X столѣтія, приведшія нашихъ предковъ къ принятію христіанства изъ Византіи. — Я не могъ поэтому колебаться въ выборѣ темы для обычной рѣчи, произносимой въ собраніи Славянскаго Общества 11 мая. Предметомъ нашей бесѣды будутъ событія Русской исторіи за 900 лѣтъ назадъ.

Русскихъ упрекаютъ за недостаточное знаніе своей древней исторіи. Подобные упреки до извѣстной степени оправдываются состояніемъ, въ которомъ находится наука о древности. Въ нашей древней исторіи есть наболѣвшее мѣсто, къ которому нельзя приступиться безъ опасенія возбудить сильную боль во всемъ организмѣ. Съ какой бы осторожностью, и какъ бы поверхностно ни коснулся кто древней исторіи, онъ неминуемо попадетъ на это больное мѣсто и потревожитъ все зданіе Русской исторіи

въ самыхъ его основаніяхъ. Съ теоретической точки зрѣнія — это вопросъ разума и вѣры въ исторіи, лѣтописанія и историческаго творчества. Въ практическомъ отношеніи дѣло сводится къ слѣдующему принципіальному положенію: *національными элементами полагается основаніе русской исторіи или чужеземными, обозначаетъ ли Русь скандинавское племя, или туземное славянское?*

Я желалъ бы не обременять ваше вниманіе изложеніемъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ, но судите сами, возможно ли обойти ихъ. На одной дорогѣ, вводящей въ исторію X вѣка читается надпись: пойдешь по этой дорогѣ, уйдешь въ скандинавоманію, самъ останешься цѣлъ, но будешь долго блуждать и забудешь свой родъ и племя. На другой надписи читается: эта дорога ведетъ въ славянскую Русь, но гдѣ эта Русь находится, никто не знаетъ; кто возьметъ этотъ путь, потеряетъ коня и вооруженіе, на него нападутъ чудовища: скиѳы, роксолане, хазары, варяги, наконецъ ему угрожаетъ сильное вражеское нападеніе на днѣпровскихъ порогахъ. Исходъ сего послѣдняго не извѣстенъ. Третьей дороги нѣтъ, а есть лишь глухое предупрежденіе: будешь самъ искать новой прямоѣзжей дороги, и коня потеряешь, и себя погубишь.

Подобныя угрожающія надписи не запугивали однако любознательности, время отъ времени снаряжались и снаряжаются путешествія въ древнюю русскую исторію. Не говоря объ обязательныхъ походахъ русскихъ историковъ, предпринимаются и добровольныя экскурсіи въ темную область русской старины, даже изъ иностранныхъ земель. Послѣдній случай этого рода былъ 10 лѣтъ тому назадъ, когда датскій профессоръ Томсенъ прочелъ въ Оксфордѣ три публичныя лекціи о происхожденіи русскаго государства. Онъ водилъ своихъ слушателей и по Скандинавіи, и по Варяжскому пути и по невѣдомымъ дебрямъ славянской Россіи и безбѣдно прошелъ мимо всякихъ опасностей.

Попытаюсь коснуться слегка научныхъ школъ или направленій по изученію древней Русской исторіи.

Точку отправленія составляетъ хорошо извѣстное мѣсто начальнаго лѣтописца о призваніи князей. *И идоша за море къ Варягомъ къ Руси... и рѣша Руси Чудь, Славяне и Кривичи: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, придите княжить и владѣть нами.* Хотя сами по себѣ эти слова лѣтописца довольно ясны и понятны и во всякомъ случаѣ ни для кого не обидны, но въ нихъ заключается яблоко раздора и непримиримой вражды между научными направленіями. Цѣлая фаланга ученыхъ, начиная съ прошлаго столѣтія, боролась до изнеможенія, отстаивая всѣми силами неприкосновенность этого мѣста лѣтописи. Много таланта и остроумія потрачено было на то, чтобы сдѣлать его недоступнымъ для нападенія противниковъ. Борьба около этой своего рода крѣпости въ русской исторической наукѣ не окончилась и по нынѣ, но не потому, чтобы ея твердыни оказывались дѣйствительно неуязвимыми противъ новыхъ орудій исторической критики, а болѣе потому, что враждующія стороны утомились и къ тому же сознали, что съ завладѣніемъ этимъ мѣстомъ не много выиграетъ ни та, ни другая партія, такъ какъ позади него выросли новыя укрѣпленія, господствующія надъ позиціей.

Представляетъ ли собой упомянутое извѣстіе историческій фактъ, или же легенду, сложившуюся въ XI вѣкѣ и довѣрчиво принятую русскимъ лѣтописцемъ? — Если это историческій фактъ, значитъ Русь иноземнаго происхожденія, именно скандинавскаго или норманскаго, — таково положеніе норманской школы, приверженцы которой называются несторовцами, такъ какъ они стоятъ за буквальный смыслъ русскаго лѣтописца. Если же это легенда, находящаяся притомъ въ противорѣчіи съ внутренними фактами древней исторіи, то Руси не слѣдуетъ искать за Балтійскимъ моремъ, а гдѣ-нибудь въ Россіи: на побережьи Бал-

тійскаго, на берегахъ Чернаго моря, на Дунаѣ или въ Кіевѣ, — таково положеніе антинорманской школы, представители которой называются то антинесторовцами, потому что отвергаютъ буквальный смыслъ начальнаго лѣтописца, то приверженцами славянскаго толка въ русской исторіи, потому что вѣруютъ въ реальное существованіе славянской Руси.

Скандинавская школа имѣетъ болѣе длинную и старую исторію, чѣмъ противоположная ей славянская. Страстность борьбы до извѣстной степени объясняется тѣмъ, что первая школа имѣетъ во главѣ нѣмецкія имена: Байера, Миллера, Шлецера (въ прошломъ столѣтіи), а вторая—славянскія: Венелина, Качеповскаго, Надеждина, Максимовича и др. Въ новое время центральное положеніе въ антинорманской школѣ занимаютъ гг. Гедеоновъ и Д. И. Иловайскій. Особеннымъ пыломъ и воинственнымъ задоромъ отличаются литературные походы на противную партію Д. И. Иловайскаго. Онъ зорко слѣдитъ за движеніями непріятеля и, нападая на отдѣльные отряды, выноситъ трофеи, о которыхъ нерѣдко можно получать свѣдѣнія изъ журналовъ и газетъ. Благодаря литературному таланту и извѣстности сочиненій г. Иловайскаго, я думаю не ошибусь, если скажу, что положенія антинорманской школы въ настоящее время хорошо извѣстны читающей публикѣ. Въ качествѣ литературнаго вождя школы, Иловайскій не свободенъ отъ духа пропаганды и не рѣдко высказываетъ сильные упреки русскимъ въ особенности молодымъ историкамъ за слѣпое поклоненіе идолу скандинавоманіи и за нежеланіе безъ предубѣжденія отнестись къ его ученію.

Но противниковъ антинорманской школы въ настоящее время легіонъ; за нѣмецкими учеными прошлаго столѣтія выступаютъ Погодинъ, Соловьевъ, А. А. Куникъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ— все это послѣдователи, съ небольшими отличіями въ частностяхъ, норманской школы. Въ лицѣ Погодина эта школа имѣла самаго

горячаго бойца, который до смерти считалъ своимъ долгомъ не оставлять безъ возраженій доводовъ противника и горько жаловался, что они не даютъ ему спокойно умереть. Теперь старшинство и авторитетъ въ этой школѣ принадлежитъ академику Куник у, а боевая сила и вліяніе профессору В. Г. Васильевскому. Прибавлю, что почти всѣ профессора русской исторіи и большинство ученыхъ и литераторовъ, писавшихъ о начальномъ періодѣ русской исторіи, придерживаются воззрѣній норманской школы.

Таково въ общихъ чертахъ внѣшнее положеніе научныхъ направленій въ объясненіи древняго періода русской исторіи.

Борьба школъ принесла много пользы русской наукѣ, такъ какъ она привлекла къ себѣ прямо или косвенно почти всѣ научныя силы Россіи. Въ исторіи ея есть трогательные эпизоды. Напомню хотя бы недавно происходившее въ Москвѣ публичное состязаніе Д. И. Иловайскаго съ противниками его воззрѣній. Въ эту борьбу почтенные и серіозные люди вступали съ пыломъ увлеченія, руководимые благороднымъ чувствомъ — раскрыть истину и убѣдить въ ней другихъ. Очевидно, въ *норманскомъ вопросѣ* есть такіе моменты, которые могутъ *задѣть за живое*, иначе говоря, школы различаются принципіально противоположными выводами. Если вы придерживаетесь норманской школы, то всѣ событія IX и X. в. вы должны приписывать заморскимъ князьямъ-варягамъ и не можете извлекать изъ нихъ почти никакихъ выводовъ въ приложеніи къ національной Русской исторіи. И походы на Константинополь, и договоры съ Греками, и Русская Правда— относятся къ норманской дружинѣ и не говорятъ ничего о славянахъ. Если же вы антинорманистъ—всѣ эти явленія вы считаете произведеніемъ русскаго, т. е. славянскаго духа, и изъ нихъ выводите послѣдствія для національной русской исторіи. Во всякомъ случаѣ, никому нельзя уклониться отъ прямаго отвѣта на вопросъ: Русь—славянскій народъ, славянское слово,

или скандинавское и обозначаетъ совокупность завоевателей? Согласитесь, что съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ соединяется нѣчто весьма существенное: именно, *сами мы создавали свою исторію, или нѣтъ?*

По отношенію къ имени «Русь» установленъ роковой пробѣлъ въ древней этнографіи. Ни норманисты, ни ихъ противники до сихъ поръ не могли указать ни въ Скандинавіи, ни гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ этнографическій или географическій терминъ, соотвѣтствующій воззрѣніямъ русскаго лѣтописца. Ни въ Скандинавіи, ни въ другихъ частяхъ Европы и Россіи не оказалось до сихъ поръ племени или народа, который бы въ IX в. назывался Русью.

Наши предки, до образованія государства, не называли себя Русью, а имѣли племенныя имена: новгородцы, поляне, кривичи, древляне. Точно также и шведы или норманны, къ которымъ, по воззрѣнію норманистовъ, относится Русь, не назывались такъ у себя на родинѣ. При такомъ положеніи вопроса о «Руси» ни та, ни другая школа не имѣютъ за собой особенно важныхъ и неподлежащихъ спору доказательствъ, вслѣдствіе чего ни норманисты, ни ихъ противники не могутъ рѣшиться на генеральное сраженіе.

Научные рессурсы обѣихъ партій не составляютъ тайны, ибо средства для борьбы вычитываются изъ книгъ или выписываются изъ рукописей. Къ сожалѣнію, находки и открытія въ этой области становятся рѣже. Каждое новое мѣсто, гдѣ оказывалось упоминаніе о Руси, привѣтствуемо было радостными ожиданіями, что вотъ-вотъ завѣса раскроется и обличится заблужденіе. Но увы! послѣ длинныхъ споровъ и толкованій новому мѣсту отводился подобающій рангъ, и оно поступало въ систему доказательствъ — равно пригодныхъ для той и другой школы.

Въ настоящее время подобрано уже достаточное количество упоминаній о Руси у византійскихъ и восточныхъ писателей, этотъ подборъ имѣлъ своего рода завлекательность въ томъ

смыслѣ, что изъ него открывалось, что Русь была извѣстна даже ранѣе основанія Русскаго государства.

Свидѣтельства, извлекаемыя изъ византійскихъ и арабскихъ писателей, еще и потому должны были получить особую важность, что онѣ почти на 200 лѣтъ старше начальной Русской лѣтописи.

Но говоря вообще, накопленіе новыхъ мѣстъ, упоминающихъ объ Руси, далеко не разрѣшило вопроса, которымъ обусловливается существованіе школъ, а только заставило норманистовъ покинуть двѣ-три позиціи, не особенно впрочемъ важныхъ. Съ 1870-хъ годовъ обозначилась *средняя научная партія, вызванная капитальнымъ трудомъ Гедеонова.* Представители этой послѣдней признаютъ, что за норманской теоріей остаются теперь двѣ твердыни: скандинавскія имена первыхъ русскихъ князей и днѣпровскіе пороги. Но они дѣлаютъ уступку и антинорманистамъ, признавая, что норманскій элементъ въ Россіи не обнаруживаетъ почти никакого воздѣйствія на внутреннюю жизнь новгородцевъ, полянъ и кривичей, не оставивъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ и т. п. Эта средняя школа приняла поэтому слѣдующее положеніе: пришлые изъ-за моря люди не были племенемъ или народомъ, а составляли сбродныя дружины, набираемыя отовсюду. Согласно воззрѣнію этой школы скандинавскій элементъ, вслѣдствіе своей малочисленности, долженъ былъ безъ особенной борьбы ассимилироваться со славянами. Я сказалъ, что средняя школа выдѣлилась недавно и представляетъ собой не болѣе какъ попытку примирить два крайнія направленія. На принципіальный вопросъ о происхожденіи Руси она отвѣчаетъ не прямо, не объясняетъ притомъ самаго главнаго: какимъ образомъ дружины иноземнаго происхожденія дали свое имя славянамъ, составившимъ Русское государство.

II.

«Русь» и другіе этнографическіе термины для обозначенія русской земли.

Исходный пунктъ въ вопросѣ о происхожденіи Руси есть начальная *русская лѣтопись и византійскія извѣстія*, изъ которыхъ школы заимствуютъ средства къ нападенію и защитѣ. А такъ какъ византійскія извѣстія старше русской лѣтописи, то онѣ имѣютъ и бо́льшее значеніе въ нашемъ вопросѣ.

Древнѣйшія упоминанія о Руси относятся къ первой половинѣ 9 вѣка (Ann. Bert. ap. Pertz, 1.434).

Любопытная особенность древнѣйшихъ извѣстій та, что въ *нихъ Русь представляется подъ властью кагана*. Если сопоставить съ этимъ то обстоятельство, что митрополитъ Иларіонъ въ похвальномъ словѣ Владиміру называетъ его *каганомъ нашея земли*, то отсюда получается слѣдующій выводъ: Русское государство существовало и прежде 862 года подъ управленіемъ кагана. Эта Русь, которую одни называютъ черноморской, другіе поморской, иные кіевской, совершала морскіе походы и опустошала берега Чернаго моря еще до основанія норманскаго господства въ Новгородѣ.

Далѣе цѣлый рядъ извѣстій *о Руси* относится къ походу *Аскольда и Дира* на Константинополь. Важность этихъ извѣстій усматривается изъ того, что они идутъ отъ такого авторитетнаго лица какъ патріархъ Фотій (*Nauk*, Lexicon Vindob. 201; *Photii* epistolae, ed. *Valetta* 178) и освѣщаютъ событія 865 и 866 г. Но Патріархъ Фотій не думалъ, что черезъ 1000 лѣтъ поднимется горячій споръ о происхожденіи Руси и не сдѣлалъ никакого намека на то, какая Русь нападала на Константинополь: славянская или скандинавская. Извѣстія Фотія заключаются въ слѣдующемъ. Въ одной бесѣдѣ онъ говоритъ о Руси: «откуда

разразился надъ нами этотъ иперборейскій и страшный ударъ громовый! вышло съ сѣвера войско, поднялись племена съ крайнихъ предѣловъ земли. Слухъ не предупредилъ объ ихъ походѣ, неожиданно было появленіе ихъ и причиненныя намъ страданія. Между тѣмъ сколькими странами и племенами и рѣками судоходными и морями не имѣющими гаваней мы отдѣлены отъ нихъ»?

Въ другой бесѣдѣ характеризуется Русь болѣе типическими чертами. «Это народъ неизвѣстный, не важный, народъ причисленный къ рабамъ, не имѣвшій значенія, но получившій извѣстность и прославившійся отъ похода на насъ, ничтожный и бѣдный, но достигшій высоты и обогатившійся, народъ гдѣ-то вдали отъ насъ живущій, варварскій, находящійся въ кочевомъ быту, надменный своимъ оружіемъ, беззаботный, упорный, не признающій военной дисциплины; этотъ-то народъ быстро во мгновеніе ока, какъ морская волна, нахлынулъ на наши предѣлы».

Въ 867 г. Фотію еще разъ пришлось говорить о Руси въ окружномъ посланіи къ епископамъ:

«Не только болгаре обратились къ христіанству, но такъ же и тотъ пресловутый народъ, который всѣхъ превосходитъ грубостію и звѣрствомъ, то-есть такъ называемая Русь. Этотъ народъ, поработивъ сосѣднія племена и чрезъ то чрезмѣрно возгордившись, поднялъ руку и на Ромэйскую имперію. Но теперь онъ перемѣнилъ эллинскую и безбожную вѣру на чистое христіанское ученіе, вступивъ въ число преданныхъ намъ и друзей». Въ приведенныхъ мѣстахъ нѣтъ такого признака, который бы давалъ намъ поводъ извлекать изъ нихъ доказательства въ пользу скандинавской или противоположной ей школы. Оттого приверженцы той и другой объясняютъ эти мѣста каждый въ пользу своей теоріи.

Но можно по крайней мѣрѣ видѣть, что не достаетъ въ извѣстіи Фотія *этнографическаго и географическаго признака*;

славянъ подразумѣваютъ византійцы, говоря объ Руси, или Русь призванную изъ за моря, скандинавскую?

Рядъ писателей, свидѣтельствующихъ о нападеніи Руси на Константинополь при Игорѣ, даетъ этой Руси названіе *Русь Дромиты* изъ рода Франковъ (Theoph. Contin., Sym. Magister). Этими мѣстами въ сущности нельзя пользоваться для разрѣшенія нашего вопроса, потому что самое слово Дромиты возбуждаетъ много споровъ, и едва ли не представляетъ ошибочнаго чтенія (вмѣсто дронгиты отъ δρόγγος).

Въ сочиненіяхъ Константина Порфиророднаго, который зналъ объ Руси не по наслышкѣ, ибо онъ принималъ у себя княгиню Ольгу и интересовался особенностями русскаго быта, встрѣчаются разнообразныя свѣдѣнія о Руси X в. Такъ, изъ его сочиненій узнаемъ, что Русь играла довольно важную роль въ византійской морской службѣ: въ критскомъ походѣ 902 г. участвовала русская эскадра съ 700 человѣкъ экипажа; въ итальянскомъ походѣ 936 г. упоминается 415 русскихъ; въ другомъ критскомъ походѣ 949 г. участвовало 9 русскихъ судовъ и на нихъ было экипажа 629 человѣкъ. Независимо отъ того, Русь служила въ царской гвардіи. Но если мы отнесемся и къ Константину съ запросомъ — славянская это Русь или скандинавская, то прямаго отвѣта у него не найдемъ. Есть, правда, одно мѣсто, по моему мнѣнію, не достаточно оцѣненное, въ которомъ можно видѣть намекъ на *географическое положеніе Руси* (de Admin. imperio, c. 2): «Русскіе сосѣдятъ съ Печенѣгами и послѣдніе часто грабятъ Россію и вредятъ ей. Русскіе стараются жить въ мирѣ съ Печенѣгами, ибо покупаютъ у нихъ воловъ, коней и овецъ, которыхъ въ Россіи нѣтъ».—Въ этомъ замѣчаніи какъ будто видится указаніе на противоположность между Великороссіей и Малороссіей; первая и нынѣ нуждается въ хорошемъ скотѣ, который доставляется изъ Малороссіи.

Наконецъ, приведу еще нѣсколько мѣстъ, которыя тѣмъ больше должны имѣть интереса, что въ первый разъ пускаются въ научный оборотъ. Таковы, между прочимъ, загадки на слово Ρῶς (изъ бумагъ Газе, въ Парижской Національной Библіотекѣ):

1) Имя мое мученикъ и въ то же время птица. По отнятіи трехъ первыхъ буквъ, ты увидишь *гордое надменное языческое племя* (γένος). Загадка дана на слово Φλῶρος — и относится къ языческой эпохѣ Руси.

2) Меня производитъ сладко раждающее животное, одаренное способностью летать. Я часто нахожусь въ храмахъ и пользуюсь вниманіемъ молящихся. Если отнимешь двѣ первыя буквы, то три остальныя будутъ обозначать *надменной гордости варвара Скиѳа*. Эта загадка дана на слово κηρός—воскъ, она снабжена притомъ разгадкой, въ которой прямо обозначено, что по отнятіи первыхъ двухъ буквъ данное слово значитъ *русскій народъ*. Итакъ *варваръ Скиѳъ и русскій народъ въ представленіи византійцевъ X в. суть равнозначащіе термины*.

Не менѣе любопытна надпись на пьедесталѣ одной колонны, стоявшей на Таврѣ, которая толковалась въ томъ смыслѣ, *что Русь завоюетъ Константинополь* (Bandurii, Imp. Orient.). Это толкованіе надписи относится къ X в. и притомъ не можетъ имѣть въ виду той Руси, которая служила во флотѣ и гвардіи византійскаго императора, ни единоплеменной съ ней скандинавской Руси въ Кіевѣ.

Итакъ, византійскія извѣстія о Руси вообще не даютъ отвѣта на географическіе и этнографическіе запросы, не позволяютъ съ точностью опредѣлить — норманновъ или славянъ подразумѣвали византійцы, говоря о Руси. Но мы видѣли, также, слабый географическій намекъ у Константина, замѣтили затѣмъ параллелизмъ представленій о Скиѳѣ и Русскомъ и наконецъ отмѣтили, что предсказаніе о завоеваніи Константинополя Русью несовмѣ-

стимо съ допущеніемъ въ военную службу той же Руси и въ ту же эпоху.

Но въ русской и византійской лѣтописи есть другіе термины, или замѣняющіе слово Русь, или параллельно употребляемые. Въ русской лѣтописи двойникъ Руси—Варяги, въ Византійской Скиѳы. Въ нашей лѣтописи «Русь» является замѣнителемъ термина «Варяги». Варяги въ лѣтописи даже предшествуютъ Руси: имаху дань Варязи (859 г.), изгнаша Варязи за море (862), отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля. Слово Варягъ есть двойникъ Руси, эти слова находятся въ такомъ тѣсномъ родствѣ, что у насъ обычны выраженія: варяжскіе князя, Варяги—Русь, варяжскій вопросъ и т. п. Византійцамъ хорошо извѣстенъ этотъ этнографическій терминъ, который у нихъ также употребляется (въ XI в.) рядомъ съ Русью. Въ исторіи борьбы русскихъ школъ Варяги составляли своего рода призъ, за которымъ долго гонялись норманисты и ихъ противники. Но такъ какъ и Варяговъ не удавалось пріурочить ни къ какой мѣстности въ Европѣ, то понятно, что погоня за этимъ призомъ была безуспѣшна. Нынѣ вопросъ въ Варягахъ утратилъ свой острый характеръ, послѣ того какъ стало извѣстно, что норвежскій герой Гаральдъ (XI в.) *былъ сыномъ короля Варангіи* (*Васильевскій*, Совѣты визант. боярина), т. е. что Норвегія называлась землей Варяговъ. Такъ какъ въ XI в. византійцы, ставя рядомъ Варяговъ и Русь, не смѣшиваютъ одно имя съ другимъ, то очевидно, что они различали этнографически эти термины, и слѣдовательно вопросъ о Руси остается еще открытымъ, хотя и доказано скандинавское происхожденіе Варяговъ

Остается такимъ образомъ другой двойникъ Руси—Скиѳы. Уже у писателя Льва діакона, принимавшаго личное участіе въ войнѣ съ Святославомъ, Русскіе называются Скиѳами и Тавроскиѳами. Впослѣдствіи это смѣшеніе этнографическихъ терминовъ становится у византійскихъ писателей обычнымъ. Позднѣйшіе

писатели, упоминая даже о походахъ Руси X вѣка и о чудесной помощи, оказанной Влахернской Богоматерью, называютъ нападавшихъ Скиѳами. Въ одномъ рукописномъ словѣ въ честь Богородицы перечисляются враги, противъ которыхъ она мужественно оборонила Византію, это Персы, Скиѳы, Агаряне, Болгаре и Латиняне. Въ XVII в. икона Влахернской Богоматери привезена была въ Москву, причемъ сообщена и исторія этой святыни, въ которой описано мѣсто, гдѣ потонули *кагана скиѳскаго* корабли (*Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ востоку, 88—89).

Вопросъ о происхожденіи Руси, поставленный въ близкую связь съ скиѳскимъ, далеко не исчерпывается. Но я не могу долѣе останавливать на немъ ваше вниманіе. Если бы вы спросили меня теперь, къ которой школѣ самъ я присоединился бы охотнѣй, я бы отвѣтилъ: къ норманской, хотя не безъ сожалѣнія. На сторону норманской школы обязываетъ стать разсудокъ и логика сохранившихся текстовъ, но къ противоположной школѣ влечетъ чувство и опасеніе пожертвовать живой дѣйствительностью, наблюдаемой въ жизни и дѣятельности Руси X вѣка.

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить.
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить!

III.

Элементы русской государственности. Договоры съ греками. Морскіе походы на Византію.

Въ чемъ же состоитъ живая дѣйствительность, чѣмъ заявляетъ о себѣ Русь въ исторіи? Всматриваясь въ извѣстія о первыхъ русскихъ князьяхъ, нельзя не согласиться съ против-

никами норманской школы, что Русь X вѣка имѣетъ въ себѣ уже весьма мало скандинавскаго элемента. Иностранныя имена смѣняются славянскими, выдвигается общность интересовъ княжескихъ и земскихъ, нѣтъ указаній ни на политическую, ни на религіозную вражду между норманнами и славянами. Но выше всего слѣдуетъ поставить — широкое развитіе силы и могущества Россіи при первыхъ же князьяхъ, до извѣстной степени благоустройство гражданскаго быта, торговлю и наконецъ распространеніе Русскаго государства отъ Новгорода до Крыма, Азовскаго моря и Дуная. Если все это сдѣлали норманскіе князья со своей скандинавской дружиной, то они похожи на чародѣевъ, о которыхъ разсказывается въ сказкахъ. Антинорманисты сильно выдвигаютъ этотъ аргументъ противъ своихъ противниковъ, формулируя его такъ: не можетъ быть, чтобы до 862 года Россія оставалась незаписаннымъ листомъ, на которомъ первый рисунокъ стали выводить норманскіе пришельцы; напротивъ, гражданственность на Руси должна была начаться раньше 862 г. и слѣдовательно не Варяги—Русь основали государство, а туземная Русь.

Элементы гражданственности, присущіе Руси X вѣка, дѣйствительно заслуживаютъ вниманія. Послѣ темнаго преданія о томъ, какъ началась Русская земля, первоначальный лѣтописецъ вставляетъ въ свое изложеніе *извѣстные договоры съ Греками.* Если возможны сомнѣнія относительно того, какъ принимать извѣстія лѣтописи о началѣ русскаго государства, то въ приложеніи къ договорамъ такія сомнѣнія неумѣстны. Они имѣютъ оффиціальный характеръ и подтверждаются греческой лѣтописью. Договоры съ Греками несомнѣнно переведены съ греческаго языка, чѣмъ объясняются многія непонятныя въ нихъ мѣста, хотя бы эта фраза: равно другаго совѣщанія, которая потому и темна, что составляетъ слишкомъ близкій переводъ греческихъ терминовъ ἴσον—копія и συμβόλαιον—договоръ. Договорами свидѣтельствуется, прежде всего, что уже въ началѣ X в. Русь находи-

лась на довольно значительной степени развитія гражданствен-ности, если съ ней могло вступать византійское государство въ правильныя международныя сношенія. Договоры, подобные записаннымъ на первыхъ страницахъ русской лѣтописи, состав-ляютъ невѣдомые факты не только въ тогдашней славянской, но и въ западноевропейской исторіи. Договоры важны какъ исто-рическіе документы, рисующіе формы русскаго общежитія. Въ нихъ трактуются способы торговыхъ сношеній между Русью и греками, устанавливаются формы судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ между русскимъ гостинымъ дворомъ на Босфорѣ у мо-настыря св. Мамонта и Греками. Если съ греческимъ кораблемъ случится несчастіе у русскихъ береговъ на Черномъ морѣ, то русскіе обязываются продать судно и грузъ и вырученныя деньги переслать въ Константинополь. Особенно любопытны тѣ статьи въ договорахъ, которыя говорятъ о распространеніи русскаго элемента до Крыма и устьевъ Днѣпра, этими статьями подтвер-ждаются попытки русскихъ утвердиться въ Крыму и завладѣть Корсунью еще въ началѣ X в. Все это очень трудно согласо-вать съ теоріей, что начало русской государственности положено на сѣверѣ въ 862 году. Затѣмъ, договорами обрисовываются внутреннія стороны торговыхъ и дипломатическихъ сношеній Руси съ Византіей.

Для предупрежденія недоразумѣній и непріятностей византій-ское правительство требуетъ, чтобы Русскіе, отправляющіеся въ Константинополь, имѣли при себѣ грамоту отъ князя, въ которой было бы обозначено, сколько идетъ людей и на сколькихъ корабляхъ. Это было необходимое условіе для того, чтобы въ Константинополѣ принимали русскихъ людей какъ гостей, т. е. купцовъ, а не какъ непріятелей. Если-же бы случилось, что Русскіе пришли въ Константинополь безъ княжей грамоты, то византійское правительство вольно задержать такихъ людей и дать о томъ знать русскому князю. Русскимъ указано было

для житья опредѣленное мѣсто, предмѣстье св. Мамы, входить въ городъ они могли не больше какъ по 50 человѣкъ вмѣстѣ. Русскій кварталъ находился въ вѣдѣніи особаго чиновника, который обязанъ былъ устраивать и блюсти взаимныя отношенія между греками и русскими. Словомъ, договоры съ греками есть актъ международной политики, они могли быть заключены между правительствомъ русскимъ и византійскимъ, такъ какъ обезпечиваютъ интересы государственные, а не частные. Есть даже въ договорахъ пунктъ о взаимномъ союзѣ на случай опасности отъ внѣшняго врага. Греки обязываются послать вспомогательный отрядъ, если заявлено будетъ на то желаніе со стороны Руси, и Русскіе съ своей стороны принимаютъ на себя подобное же обязательство. Эта статья договоровъ подтверждается не разъ исторіей X вѣка. Русскіе ходили на помощь Византіи при Святославѣ и Владимірѣ; принявъ христіанство, Владиміръ отправилъ въ Константинополь шеститысячный корпусъ.

Договоры показываютъ, что Византія находила возможнымъ вступать съ Русью въ международныя сношенія, какъ съ государствомъ правильно организованнымъ. Въ государственномъ архивѣ имперіи хранилась формула письменныхъ сношеній съ русскимъ княземъ.

Въ сношеніяхъ Руси съ Византіей находимъ ключъ къ уразумѣнію задачъ внѣшней политики русскихъ князей. Съ X вѣкомъ совпадаетъ героическій періодъ Русской исторіи, нашедшій себѣ выраженіе въ сказкѣ, пѣснѣ и оставившій по себѣ память въ лѣтописи. Морскіе походы на Византію, завоеваніе Корсуня, движеніе за Дунай, занятіе Болгаріи и стремленіе перенести сюда столицу русскаго государства, наконецъ переходъ черезъ Балканы и осада Адріанополя — вотъ какія широкія перспективы открываетъ героическій періодъ! Насъ отдѣляютъ теперь 900 лѣтъ отъ этой эпохи, и мы можемъ безпристрастно отнестись къ столь отдаленнымъ событіямъ; но, всматриваясь въ ходъ раз-

витія русской исторіи, я не могу не отмѣтить явленія, къ которому трудно оставаться равнодушнымъ, такъ какъ оно кладетъ общую печать на нашу исторію:

1) Русскими князьями X вѣка памѣчены были въ общихъ чертахъ главнѣйшіе факты внѣшней исторіи Россіи;

2) но уже въ концѣ X в. мы должны были поступиться своими политическими притязаніями и вспомнили объ ихъ не ранѣе XVIII вѣка.

Такъ какъ въ этомъ нельзя не усматривать очень важнаго начала, заправляющаго историческимъ движеніемъ Россіи, то я позволю себѣ остановиться здѣсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Морскіе походы Руси на Византію обращаютъ на себя вниманіе не только по своей смѣлости, отвагѣ и грабежамъ. Они болѣе любопытны по своей организаціи и численности силъ, которыми могли располагать русскіе князья.

Не забудемъ, что походы предпринимались противъ государства, которое владѣло сильнымъ флотомъ: въ 902 г. для одного похода Византія могла безъ особаго напряженія выставить морскую эскадру съ 23.000 экипажа. Своимъ флотомъ византійскіе цари постоянно одерживали перевѣсъ надъ германскими императорами въ южной Италіи. Флотъ не разъ спасалъ имперію отъ Персовъ и Арабовъ. Слѣдовательно, мы имѣли бы не совсѣмъ правильное представленіе о ходѣ дѣлъ, если-бы въ походахъ Олега и Игоря весь успѣхъ объясняли быстротой и неожиданностью нападенія или если бы всю цѣль походовъ ограничивали жадностью къ добычѣ и грабежамъ. Русь Аскольда и Дира была подъ Константинополемъ на 200 судахъ, Олегъ имѣлъ 2000. Неудачный походъ Игоря всего лучше можетъ показывать, что морскія нападенія Руси были далеко не легкомысленныя предпріятія, разсчитанныя на сборъ добычи и поспѣшное отступленіе. Уже и то значительно измѣняетъ взглядъ на дѣло, что византійцы были предупреждаемы о движеніи Руси

и могли принять своевременныя мѣры къ защитѣ. Изъ описанія морскаго сраженія съ Игоревой Русью видно, что византійскій адмиралъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большія суда, называемыя дромонами, которыя имѣли до 300 человѣкъ экипажа; да и малыя суда византійскаго флота могли вмѣщать не меньше 60 человѣкъ. Само собой разумѣется, противъ такихъ судовъ не могли съ успѣхомъ бороться лодки однодеревки, каковыми мы привыкли представлять себѣ русскія суда. Съ другой стороны, ходъ дѣла, даже подъ перомъ византійца патріота, далеко не представляется рѣшительнымъ. Цѣпь русскихъ судовъ была, правда, прорвана, греческій огонь нагналъ страхъ на Русь, но она не упала духомъ. Русскія суда пристали къ азіатской сторонѣ на Босфорѣ, сошли на берегъ и стали наводить ужасъ на прибрежныя селенія. Можно думать, что русскіе находили здѣсь поддержку въ многочисленной колоніи южныхъ славянъ. Понадобилось сухопутное войско, чтобы бороться съ Русью, но она успѣшно держалась отъ іюня (15) по сентябрь мѣсяцъ. Когда стали наступать холода, Русскіе сѣли на свои лодки и пошли назадъ. На морѣ снова встрѣтилъ ихъ византійскій флотъ, чтобы отрѣзать отступленіе. Но русскіе, хотя и не безъ потерь, проложили себѣ дорогу. (Theoph. cont. de R. Lec. c. 39). Въ такихъ чертахъ излагаются обстоятельства неудачнаго похода при Игорѣ. Развѣ это не показываетъ, что матеріальная обстановка морскихъ походовъ Руси должна была имѣть извѣстную организацію, т. е. что русскіе располагали значительныхъ размѣровъ судами, опытными моряками, вооруженіемъ и всякими запасами?

IV.

Культурное и по преимуществу торговое значеніе сношеній съ Византіей. Св. Ольга.

Въ походахъ Руси на Византію нельзя далѣе не отмѣтить очень важнаго *культурнаго элемента*. И Святославъ, между прочимъ, желаетъ перенести свою столицу на Дунай въ той мысли, что туда свозятся лучшія и дорогія произведенія изъ разныхъ странъ, и походы на Константинополь вообще имѣютъ цѣлью установить правильныя торговыя сношенія между Россіей и Византіей. Во всѣхъ договорахъ торговые интересы представлены очень рельефно, и выгоды русскихъ купцовъ отстаиваются весьма послѣдовательно.

Но для меня имѣетъ въ этомъ отношеніи особенное значеніе путешествіе въ Константинополь Св. Ольги. Прежде всего есть одно странное обстоятельство въ византійскомъ разсказѣ о пріемѣ Ольги въ Константинополѣ. Статья надписана совершенно также, какъ озаглавлена бесѣда патріарха Фотія: на нашествіе Руси, т. е. посѣщеніе Ольги обозначено на греческомъ языкѣ выраженіемъ, имѣющимъ смыслъ *нашествія съ враждебной цѣлью или военнаго похода*. Такъ какъ извѣстіе русской лѣтописи въ этомъ случаѣ расходится съ византійскимъ, ибо первое все вниманіе сосредоточиваетъ на крещеніи Ольги, а второе ничего не говоритъ о крещеніи, то давно уже высказано было мнѣніе, что можетъ быть Ольга *два раза* была въ Константинополѣ. Слѣдуетъ еще присовокупить, что византійское извѣстіе не можетъ возбуждать противъ себя никакихъ сомнѣній, ибо это есть дворцовый журналъ, описывающій парадные пріемы пословъ и посѣтителей изъ иностранныхъ государствъ. Русскіе, посѣщавшіе Константинополь въ концѣ XII вѣка, находили еще тамъ нѣкоторыя воспоминанія объ Ольгѣ. Такъ, Новгородскій архі-

епископъ Антоній говоритъ, что ему показывали въ храмѣ Св. Софіи между другими святынями и драгоцѣнностями «блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царьграду». (*Савваитовъ*, Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, стр. 58).

Какою цѣлью руководилась Ольга, предпринявъ путешествіе въ Цареградъ, объ этомъ ничего нельзя сказать точнаго, догадки же сосредоточиваются главнѣйше на томъ, что она желала въ Константинополѣ креститься.

Независимо отъ того, въ *церемоніалѣ пріема* Ольги есть нѣсколько любопытныхъ для насъ чертъ. Торжественный пріемъ ей сдѣланъ былъ 9 сентября 955 г. По обычаю византійскаго этикета, Ольга должна была пройти по многочисленнымъ заламъ и галлереямъ императорскаго дворца, прежде чѣмъ попасть въ тронную залу, великій триклиній Мангавры, гдѣ стоялъ Соломоновъ тронъ. Этотъ тронъ былъ чудомъ искусства, которое не могло не поразить воображенія. Иностранца, подходящаго къ трону для поклоненія императору, окруженному блестящей свитой военныхъ и придворныхъ людей въ парадныхъ мундирахъ, поражалъ сюрпризъ за сюрпризомъ. Прежде всего раздавались звуки музыки золотыхъ и серебряныхъ органовъ, скрытыхъ отъ глазъ занавѣсями и коврами. Затѣмъ на золотомъ тронѣ поднимались золотые львы и страшно рыкали, по золотымъ деревьямъ вокругъ трона золотыя птицы начинали гармоническія пѣсни.

Нѣтъ сомнѣнія, что византійскій дворъ по блеску и роскоши превосходилъ все, что знала тогдашняя Европа и что этикетъ придворныхъ церемоній, на исполненіи котораго византійцы очень сильно настаивали, долженъ былъ производить импонирующее впечатлѣніе.

Ольгу приняли съ соблюденіемъ всѣхъ церемоній, можетъ быть утомительныхъ, причемъ ей оказана была особенная честь въ томъ отношеніи, что за пріемомъ у царя послѣдовалъ пріемъ

у царицы, менѣе парадный, въ ея собственныхъ покояхъ; на второмъ пріемѣ былъ и царь и вся царская семья, и здѣсь Ольга могла запросто разговаривать съ царемъ и царицей. Въ этотъ же день былъ парадный обѣдъ въ Юстиніановской залѣ. Ольга была посажена не за царскимъ столомъ, а за ближайшимъ къ царскому, за которымъ сидѣли первыя придворныя дамы. Во время обѣда пѣли придворные пѣвчіе, и давались сценическія представленія. Отличіе отъ обыкновенныхъ обѣдовъ и здѣсь было въ томъ, что сладкое было подано за отдѣльнымъ столомъ, гдѣ заняли мѣста члены царской фамиліи и куда приглашена была Ольга. Въ тотъ же день, въ другой залѣ дворца давался обѣдъ для свиты Ольги.

18 октября данъ былъ во дворцѣ другой обѣдъ въ честь Ольги и ея свиты. Въ одной залѣ, гдѣ обѣдала свита Ольги, присутствовалъ царь, въ другой же, гдѣ обѣдала Ольга, царица съ семьей.

Есть возможность вычислить какъ велика была свита Ольги, потому что въ придворномъ журналѣ указано, кому какіе дары сдѣланы были послѣ обѣда. Оказывается, что мужской персоналъ свиты, приглашенный къ обѣду, простирался до 88 человѣкъ, женскій до 35. Княгиня Ольга получила въ подарокъ отъ двухъ до трехъ сотъ рублей и золотое блюдо, можетъ быть, то самое, которое видѣлъ въ храмѣ Св. Софіи архіепископъ Антоній.

Въ свитѣ Ольги находилось, между прочимъ, духовное лицо, священникъ Григорій. Все заставляетъ думать, что этотъ священникъ привезенъ былъ Ольгой изъ Россіи и что, слѣдовательно, она была уже христіанкой, когда прибыла въ Константинополь. Если же это такъ, то общепринятое мнѣніе о крещеніи Ольги въ Константинополѣ имѣетъ за собой мало достовѣрности, или, чтобы отстоять его, слѣдуетъ предполагать еще другое путешествіе ея въ Константинополь.

По моему мнѣнію, Ольга посѣтила Константинополь не ради принятія христіанства и не съ военною цѣлью. Цѣль ея посѣщенія можетъ быть понята, если обратимъ вниманіе на составъ ея свиты, принимаемой во дворцѣ и награждаемой подарками. Безъ сомнѣнія во дворцѣ принимали не всѣхъ прибывшихъ съ княгиней, — о матросахъ, напримѣръ, пѣтъ и помину, военные люди представлены въ небольшомъ количествѣ. Изъ 88 человѣкъ, приглашенныхъ къ столу, было 44 торговыхъ людей, или по тогдашнему выраженію гостей, и 22 повѣренныхъ или пословъ отъ русскихъ бояръ (οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας). Очевидно, главнѣйшій элементъ въ свитѣ былъ не военный, а торговый; 22 представителя отъ бояръ могутъ указывать на такое же *число городовъ или волостей, по которымъ сидьли подчиненные русскому князю правители.* Мы усматриваемъ, такимъ образомъ, здѣсь выраженными торговые и земскіе интересы, которые уже въ X вѣкѣ находились въ значительной зависимости отъ правильныхъ сношеній съ Византіей. Путешествіе Ольги иллюстрируетъ договоры съ Греками, въ которыхъ также сильно выступаетъ стремленіе установить мирныя сношенія съ имперіей.

Ольга, принимая подъ свое покровительство эти интересы, могла имѣть, конечно, и свои личныя цѣли при посѣщеніи Цареграда. Русское преданіе приписываетъ Ольгѣ высокую мудрость, необыкновенный умъ и административныя способности. Я буду имѣть случай доказать, что высочайшая политическая мудрость князей X вѣка заключалась въ томъ, чтобы сблизить Русь съ Византіей болѣе тѣсными узами и перенести въ Россію культурныя начала изъ византійской имперіи. Я выражусь согласно со всѣми преданіями объ Ольгѣ, если скажу, что она своей поѣздкой въ Константинополь должна была произвести въ умахъ своихъ современниковъ такой же переворотъ взглядовъ, какъ поѣздка Петра въ Западную Европу. Византія могла поразить

воображеніе не только своимъ придворнымъ церемоніаломъ, но и формами общежитія и складомъ всей жизни. Если лучшіе люди X вѣка могли составлять себѣ идеалы, то эти идеалы они могли находить въ лучшихъ формахъ общежитія и въ культурѣ образованнѣйшихъ народовъ, а для той поры Византія была образцомъ недосягаемымъ.

Что особенно привлекало въ этомъ отношеніи русскихъ людей, это безспорно святыни цареградскія, религіозные обряды и торжественное богослуженіе. Мы имѣемъ нѣсколько описаній путешествія въ Цареградъ изъ позднѣйшаго времени и по нимъ можемъ судить, какъ Св. Софія со всѣмъ ея великолѣпіемъ и торжественной обстановкой могла дѣйствовать на чувство. Кто разъ видѣлъ въ ней торжественное богослуженіе и слышалъ художественно исполняемыя церковныя нѣсни, тотъ не могъ не испытать сильнаго потрясенія. Не одни русскіе послы Владиміра вынесли изъ Св. Софіи то впечатлѣніе, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми и что, присутствуя въ византійскомъ храмѣ, забываешь, на небѣ или на землѣ находишься: съ тѣми же впечатлѣніями уходили и армяне, и грузины, и болгаре. Ольга испытала эти сильныя впечатлѣнія, и ея приближенныя дамы и свита запаслись въ Константинополѣ новыми воззрѣніями, которыя скоро должны были произвести переворотъ въ жизни русскаго государства.

V.

Внѣшняя политика Святослава. Значеніе движенія Руси въ Болгарію. Угнетенное состояніе Византіи.

Политическіе идеалы X вѣка всего нагляднѣй выражены въ *дѣятельности Святослава.* Типическія черты этого князя такъ хорошо извѣстны, что мнѣ нѣтъ нужды напоминать ихъ, а достаточно будетъ подобрать изъ нихъ то, что относится къ освѣщенію международной политики Руси.

Святославъ первый открываетъ для Россіи окно въ Европу и заявляетъ притязаніе поставить Россію въ число европейскихъ государствъ. Для языческаго народа, какимъ была Русь, это была неосуществимая задача. Чтобы быть европейскимъ народомъ въ X вѣкѣ, для этого нужно было принять христіанство. Всѣ государства, образовавшіяся на развалинахъ римской имперіи, полагали основанія своей государственности актомъ принятія христіанства. Миновать этого было также трудно тогда, какъ теперь нельзя претендовать на государственность безъ одобренія таковой великими европейскими державами. Религія въ X в. имѣла ту же силу, что политика въ XIX, иначе говоря, религія съ политикой шла объ руку.

Первый шагъ Святослава въ указанномъ направленіи сказывается въ его болгарскихъ походахъ. Походы Святослава въ Болгарію и переходъ Русскихъ за Балканы въ 968—973 г. уже потому имѣютъ глубокую важность въ исторіи международной русской политики, что эти походы связываютъ въ нашемъ представленіи X и XIX столѣтія.

Движеніе Русскихъ къ Дунаю въ X вѣкѣ не сопряжено было, впрочемъ, съ такими политическими затрудненіями какъ въ XIX в. Между Русью и Болгаріей не было чуждыхъ этнографическихъ элементовъ, тогда еще не существовало Молдавіи и Валахіи, или Румыніи: для русской колонизаціи была открыта въ этомъ направленіи свобода. Въ одной лѣтописи позднѣйшаго, впрочемъ, происхожденія между русскими городами показаны: Видинъ, Силистрія и молдавскій городъ Сочава.

Давно уже выступилъ поэтому въ русской наукѣ вопросъ объ опредѣленіи границъ древнѣйшихъ русскихъ поселеній на югозападѣ: въ самомъ ли дѣлѣ русскій элементъ простирался до Дуная? — Вотъ что оказывается по разслѣдованіямъ разныхъ ученыхъ. Въ прошломъ столѣтіи въ Трансильваніи было четыре селенія, въ которыхъ говорили по русски. Что это не были но-

вые поселенцы, видно изъ того, что въ XIII и даже XII в. упоминаются въ придунайскихъ областяхъ русскіе. Часть ихъ, подъ именемъ Бродниковъ, принимала участіе въ борьбѣ Болгаръ съ Византіей. Такимъ образомъ, можно приходить къ выводу, что въ X вѣкѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ было славянское населеніе, которое не затрудняло, а облегчало движеніе Руси на юго-западъ.

Царь Никифоръ Фока послалъ къ Святославу правителя Корсунской области Калокира съ предложеніемъ начать войну съ Болгарами. Для Византіи важно было только отвлечь силы болгарскія къ Дунаю, и едва ли Никифоръ Фока ожидалъ серіозныхъ послѣдствій отъ русскаго вторженія. Но посолъ его Калокиръ нѣсколько выступилъ изъ своихъ полномочій и указалъ Святославу на политическія и торговыя выгоды движенія Руси къ Дунаю. Говорятъ, что и самъ Калокиръ задумывалъ отложиться отъ царя Никифора и основать независимое владѣніе. Въ первый походъ Святославъ является другомъ имперіи. По русской лѣтописи онъ имѣлъ съ собой не больше 10000 человѣкъ, по иностраннымъ извѣстіямъ видно, что онъ вторгся въ Болгарію не одинъ, а съ союзниками: Венграми, Печенѣгами и Славянами. Въ Болгаріи началось сильное движеніе, противъ ожиданія Фоки успѣхъ Святослава былъ громадный: онъ захватывалъ болгарскіе города, оставлялъ въ нихъ гарнизоны и повидимому начиналъ домогаться полнаго завладѣнія Болгаріей. Тогда Никифоръ Фока подкупилъ Печенѣговъ, и они напали на Кіевъ.

Въ 971 году, похоронивъ свою мать, Святославъ пошелъ снова въ Болгарію, и на этотъ разъ уже по собственному почину. Но теперь положеніе дѣлъ въ Болгаріи совершенно измѣнилось. Прежде всего на византійскомъ престолѣ вмѣсто Никифора Фоки былъ Іоаннъ Цимисхій, который совсѣмъ не раздѣлялъ взглядовъ своего предшественника на болгарскія дѣла и успѣлъ не только примириться съ болгарскимъ царемъ, но и убѣдить его, что Святославъ опасный соперникъ для самостоятельности Болгаріи, между тѣмъ какъ Византія не посягаетъ на эту самостоятельность.

Такимъ образомъ, если въ первый походъ Святославъ имѣлъ на своей сторонѣ даже Болгаръ, во второй онъ нашелъ въ нихъ союзниковъ греческаго императора и долженъ былъ каждый шагъ брать съ бою. Занятые имъ въ первый походъ города теперь не хотѣли впускать его, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ, желая страхомъ удержать Болгарію въ повиновеніи. Въ Болгаріи началось сильное движеніе противъ Русскихъ, котораго Святославъ не понялъ и которое его выводило изъ себя: за измѣну онъ преслѣдовалъ Болгаръ суровыми карами. Понимая, однако, что измѣнившееся расположеніе Болгаръ имѣетъ свое объясненіе въ византійской политикѣ, Святославъ *слишкомъ самонадѣянно двинулся за Балканскія горы.* Въ дальнѣйшемъ русскія и византійскія извѣстія расходятся, первыя сильно восхваляютъ доблести Русскихъ, вторыя выставляютъ на первый планъ побѣды Грековъ. Но что Святославъ за Балканами имѣлъ большой успѣхъ, на это мы имѣемъ разнообразныя и неподлежащія сомнѣнію указанія, почерпаемыя притомъ изъ византійскихъ источниковъ.

Царь Іоаннъ Цимисхій понялъ, что Святославъ опасный соперникъ и увѣдомлялъ его о своей готовности вступить съ нимъ въ мирное соглашеніе, но Святославъ потребовалъ слишкомъ много отступнаго и съ похвальбой сказалъ, что иначе онъ дойдетъ до Константинополя и поставитъ шатры свои передъ воротами столицы. — Этого могъ Святославъ достигнуть, если бы была обезпечена вѣрность Болгаріи; у него правда и была своя партія, но она оставалась ему вѣрна только до тѣхъ поръ, пока перевѣсъ былъ на сторонѣ Русскихъ. Русскій гарнизонъ остался въ большихъ городахъ, какъ Великая Преслава, Силистрія, но Святославъ не принялъ мѣръ къ защитѣ Балканскихъ проходовъ — это и погубило Русскихъ.

За Балканами были большія сраженія около Филиппополя и Адріанополя. По русскимъ извѣстіямъ адріанопольская битва

имѣла рѣшительное значеніе, она очищала русскимъ дорогу къ Константинополю и произвела въ столицѣ переполохъ: «и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Греци, и пойде Святославъ ко Граду, воюя и грады разоряя, яже стоять и до днешнего дне пусты». По византійскимъ извѣстіямъ побѣда осталась за Греками и десять тысячъ русскихъ убито было подъ Адріанополемъ.

Здѣсь было бы неумѣстно входить въ критическую оцѣнку извѣстій. Я думаю, что ни русскіе, ни греки не были сознательными и завѣдомыми искажателями фактовъ. Дѣло въ томъ, что сначала было въ южной Болгаріи успѣшное движеніе русскихъ впередъ,— оно и отмѣчено русской лѣтописью, а потомъ послѣдовало отступленіе, когда въ тылу показалась византійская армія, отступленіе съ потерями и урономъ,— оно отмѣчено въ византійскихъ извѣстіяхъ.

Но независимо оттого, мы имѣемъ любопытные отрывки греческой лирики, въ которыхъ весьма наглядно изображено состояніе умовъ того времени и которые не оставляютъ сомнѣнія, что Святославъ доходилъ до Константинополя. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ стихотворенія Іоанна Геометра, писателя X вѣка.

«То что дѣлается на Западѣ, какое слово это выскажетъ? *Толпа Скиѳовъ какъ будто на своей родинѣ рыщетъ и кружитъ здѣсь по всѣмъ направленіямъ. Они съ корнемъ вырываютъ крѣпкую породу благородныхъ мужей, и мечъ дѣлитъ пополамъ младенцевъ. Прежде крѣпкіе города — обратились въ груду развалинъ; табуны лошадей — тамъ, гдѣ жили люди.* Такъ истребляются страны и села. А ты, царственный очагъ, Византія, скажи мнѣ, до какой участи дошелъ ты, городъ, столько же теперь превосходящій другихъ бѣдствіями, сколько прежде счастіемъ. Ты ежедневно потрясаешься, и рушатся самыя твои основанія. И твои обитатели, вмѣсто свѣтлыхъ и красивыхъ дворцовъ, осуждены жить на пустынныхъ островахъ, притаивъ дыханіе».

Угнетенное состояніе Византіи по случаю военныхъ успѣховъ Святослава выражено еще въ надписи на гробницѣ царя Никифора Фоки. Неудачи первыхъ лѣтъ Цимисхія, въ особенности страшныя бѣдствія, причиненныя Русскими, естественно вызывали въ современникахъ чувство сожалѣнія къ Фокѣ, убитому Цимисхіемъ. Это въ самомъ дѣлѣ былъ необыкновенный человѣкъ, какъ это выражено въ одномъ произведеніи: «Не наводи красками изображеніе владыки, а смѣшай алмазъ, золото, серебро, камень, мѣдь и желѣзо и вылѣпи изъ этой массы статую. Сердце его сдѣлай изъ золота, бюстъ изъ блестящаго серебра, руки изъ мѣди, мышцы изъ адаманта, ноги изъ камня, голени же и спину и голову изъ желѣза». Къ этому-то герою сдѣлано слѣдующее обращеніе, вызванное страхомъ Святославова погрома:

«Тотъ, кто прежде былъ крѣпче мужей и не боялся меча, сдѣлался легкою добычей женщины и меча. Тотъ, кто держалъ въ рукахъ власть надъ всей землей, покоится теперь на маленькомъ кусочкѣ земли. *Но встань, царь! Устрой твое* пѣшее и конное войско, фаланги и полки. *На насъ устремляется русское всеоружіе*; *скиѳскій народъ* въ бѣшеномъ порывѣ наноситъ убійство, разоряетъ твой городъ! Не покидай насъ, сбрось камень, который держитъ тебя. Если же нѣтъ, то хоть вскрикни разъ своимъ голосомъ, можетъ быть одно это разсѣетъ ихъ. Если же тебѣ и того неугодно, то прими насъ всѣхъ въ свою гробницу»!

Авторъ этого произведенія, намекающій между прочимъ на коварную измѣну царицы, которая затѣмъ вышла замужъ за Іоанна Цимисхія, конечно, не поставилъ своего имени подъ сочиненіемъ и не могъ его сдѣлать извѣстнымъ (Cramer, Anecd. IV) но вопросъ объ имени для насъ мало имѣетъ значенія; въ произведеніи во всякомъ случаѣ выражено сильными чертами состояніе византійскаго общества въ періодъ войнъ Святослава,

Въ этомъ, въ концѣ концовъ, я не могу не видѣть важнаго доказательства въ подтвержденіе извѣстій русской лѣтописи.

Іоаннъ Цимисхій воспользовался тѣмъ, что у Святослава не было достаточнаго прикрытія. Моремъ онъ подвезъ войска въ Силистрію, а самъ выступилъ противъ передовыхъ русскихъ отрядовъ во Ѳракіи. Отступленіе было отрѣзано и тѣмъ, что Балканскіе проходы оказались въ рукахъ Болгаръ, которые теперь открыто стали за Грековъ. Къ этому періоду войны относятся блистательныя страницы исторіи Льва діакона, читая котораго нельзя не переноситься къ героямъ Троянской войны.

Тому же греческому писателю мы обязаны живымъ описаніемъ наружности Святослава въ моментъ свиданія его съ Цимисхіемъ. «Святославъ переѣзжалъ Дунай въ скиѳской лодкѣ и, сидя за весломъ, гребъ наравнѣ съ прочими. Онъ былъ средняго роста, ни слишкомъ высокъ и ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, брилъ бороду и носилъ большіе усы. Голова была совсѣмъ голая и только на одной сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода. Шея толстая, плечи широкія и весь станъ довольно стройный. Онъ казался мрачнымъ и дикимъ. Въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами. Одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ кромѣ чистоты отъ другихъ не отличающаяся».

VI.

Какими средствами располагала Византія для укрощенія Руси. Образовательная роль Византіи въ исторіи.

Если только я съумѣлъ достаточно ясно выразить свою мысль, то вотъ какое заключеніе можно выводить изъ отношеній Руси къ Византіи.

Къ концу X вѣка языческая Россія порывалась къ Византіи всѣми необузданными влеченіями своей безпокойной природы. Столица имперіи не разъ дрожала передъ русскими полками. Составилось убѣжденіе, перешедшее въ мистическую литературу, что городу не устоять и что въ концѣ концовъ онъ будетъ взятъ Русью. Въ многочисленныхъ церквахъ наполненнаго святынями Цареграда читали акаѳистъ Богородицѣ, восхваляя оказанную противъ Русскихъ помощь и умоляя о спасеніи противъ новыхъ нападеній. Святославъ далъ новое направленіе походамъ Руси на Константинополь, показавъ, что при лучшихъ обстоятельствахъ можно подойти къ Константинополю съ суши и притомъ съ Болгарами. Но Русь врывалась въ Византію не только своими завоевательными стремленіями, она давала о себѣ знать и нѣкоторыми человѣчными сторонами: желала во что бы то ни стало установить правильныя торговыя сношенія, выхлопотать привилегіи для обмѣна своихъ произведеній на греческія, интересовалась устройствомъ быта и въ особенности вѣрой. — Что же думала тысячелѣтняя имперія и ея мудрые патріархи, цари и вельможи объ юномъ народѣ, который такъ настойчиво привлекалъ къ себѣ вниманіе ихъ? Ужь не въ томъ ли вся тайна дипломатіи византійской — подкупать и вооружать одинъ варварскій народъ противъ другаго и строить свое благо на погибели слабѣйшихъ?

Нѣтъ, *Византія нашла другія средства укротить Русь.* Она медленно шла къ своей цѣли и безъ оружія достигла того, что Русь принесла ей повинную голову и *поступилась своими широкими политическими притязаніями.*

Въ византійской литературѣ я не знаю болѣе изящнаго выраженія той мысли, что культура и духовныя преимущества націи въ концѣ концовъ всегда возобладаютъ надъ варварствомъ и дикой силой, какъ слѣдующее мѣсто просвѣщеннѣйшаго эллина XII в. *Михаила Акомината.* Приводимыя слова имѣютъ въ

виду латинянъ, завоевавшихъ Константинополь и Грецію въ 1204 году.

«Запустѣли города, въ которыхъ водились хоры музъ и властвовала ѳемида и процвѣтала философія. Но намъ не слѣдуетъ предаваться унынію и ограничиваться сѣтованіями. Тѣ, которые считаютъ себя нашими повелителями, столько же понимаютъ въ словесномъ искусствѣ, какъ ослы въ музыкѣ. *А мы не будемъ забывать философіи и не перестанемъ украшать себя добродѣтелью и образованностью: въ этомъ мы найдемъ дѣйствительное средство властвовать надъ нашими повелителями какъ надъ дикими звѣрями.* Захвативъ крѣпости и замки, они думаютъ повелѣвать посредствомъ насилія, отнимая у насъ имущества и пищу. Но тамъ не можетъ быть надежнаго и прочнаго господства, гдѣ побѣдители не обладаютъ ни природными, ни пріобрѣтенными преимуществами. Никто же не скажетъ, что львы, леопарды, или волки властвуютъ надъ людьми, хотя *бы они когтями и зубами достигали того же, чего и наши повелители.* И никогда не удастся имъ вполнѣ побѣдить насъ, хотя бы они присвоили себѣ всѣ наши стяжанія, хотя бы оставили насъ нагими или коснулись бы самой плоти нашей»!

Итакъ, Византія хорошо сознавала высокія преимущества своей культуры и образованности и, уступая внѣшней силѣ, не выпускала изъ рукъ орудій нравственнаго вліянія.

Вы догадываетесь, что я *подхожу къ вопросу о византійскихъ вліяніяхъ на Россію.*

Въ Русской литературѣ на этотъ счетъ нельзя указать установленнаго и господствующаго мнѣнія. Чаще впрочемъ раздаются порицательные приговоры о Византіи и высказываются неблагопріятныя мнѣнія на счетъ качествъ нашихъ заимствованій отъ грековъ.

Очень незначительное меньшинство ученыхъ и литераторовъ говорятъ о византійскомъ вліяніи на Россію со всею сдер-

жанностью, ссылаясь на то, что у насъ очень мало сдѣлано для оцѣнки этого вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ составить себѣ понятіе о количествѣ и качествѣ византійскихъ вліяній на Россію, нужно предпринять рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ: о вліяніи Византіи на древнюю русскую литературу, о заимствованіяхъ изъ Византіи по части художественныхъ идеаловъ, нашедшихъ примѣненіе въ искусствѣ, объ обмѣнѣ въ области юридическихъ понятій, въ устройствѣ государственности, въ домашнемъ быту и т. п. Понятно, что для общихъ заключеній по этимъ вопросамъ у насъ нѣтъ еще матеріала.

Для Россіи въ X вѣкѣ не настояло еще надобности въ тѣхъ обширныхъ заимствованіяхъ изъ Византіи, которыя впослѣдствіи ручьемъ стали вливаться непосредственно черезъ греческое духовенство, посредственно черезъ южно-славянскія литературныя произведенія. Въ X вѣкѣ Россія не могла не быть вовлеченной въ общій историческій потокъ; для всѣхъ европейскихъ новыхъ народовъ представлялась одна и та-же альтернатива: или принять христіанство и тѣмъ положить начало къ созиданію государственности, или уступить свое мѣсто другому.—Въ этомъ отношеніи заслуги византійской имперіи безспорны и никакая научная теорія не вычеркнетъ ихъ изъ исторіи.

По преимуществу на долю Византіи выпала воспитательная роль ново-европейскихъ народовъ. Признавая ея заслуги, оказанныя человѣчеству тѣмъ, что она имѣла благодѣтельное вліяніе на дикія орды варваровъ, воспитанныя ею въ историческіе народы, мы не должны забывать и понесенныхъ ею великихъ жертвъ на пользу всей Европы. Слѣдуетъ ли перечислять послѣдовательный рядъ варварскихъ вторженій въ Европу, которымъ Византія ставила преграды и полагала предѣлы?—Мало того, что устоявъ противъ враговъ, она долгое время оставалась очагомъ и свѣточью просвѣщенія, она старалась частію убѣжденіемъ, частію проповѣдью

христіанства и цивилизующимъ вліяніемъ укротить и облагородить дикарей, пріучивъ ихъ къ выгодамъ гражданской жизни. Подъ ея вліяніемъ разрозненныя славянскія колѣна и племена, равно какъ болгарская и мадьярская орда — выросли въ историческіе народы. Словомъ, она сослужила для восточно-европейскаго міра ту-же благодѣтельную миссію, какую Римъ для галловъ и германцевъ. Восточные народы обязаны ей вѣрой, литературой и гражданственностью.

Намъ не идетъ повторять безъ оглядки фразу, которая въ сущности исторически не вѣрна, что мы приняли изъ Византіи не настоящее просвѣщеніе и, не разобравъ хорошаго отъ дурнаго, стали слишкомъ рабски воспроизводить испорченные идеалы византинизма. Прежде всего, иныхъ организующихъ началъ намъ не откуда было принять, кромѣ того — Западная Европа того времени была ниже Византіи и сама пользовалась плодами эллинской культуры. Одинъ изъ германскихъ императоровъ X в. совершенно добродушно старается счистить грубость саксонской натуры и раздуть въ себѣ искорку любви къ греческой наукѣ. Одинъ славянскій князь ищетъ откуда бы позаимствоваться лучшими учрежденіями для своего народа и находитъ ихъ въ Византіи, такъ какъ *отсюда на всѣ страны распространялся добрый законъ*.

Византія исполняла свою миссію съ полнымъ самоотверженіемъ, — и въ этомъ величайшій успѣхъ греческаго духовенства и разнообразныхъ вліяній Византіи между восточно-европейскими народами. Она не налагала тяжелаго и неудобопосимаго ярма на новопросвѣщенныхъ, отличалась значительною терпимостью въ дѣлахъ вѣры: припомнимъ хоть то, что греческое духовенство на Руси не имѣло политическаго значенія и не стремилось къ организаціи, ограничивающей свѣтскую власть. Какая разница въ средствахъ дѣйствія латинской и греческой церкви: одна съ мечемъ идетъ на помощь имперіи и при помощи оружія рас-

пространяетъ свою паству, другая достигаетъ не менѣе широкаго распространенія своихъ предѣловъ нравственнымъ вліяніемъ и проповѣдью. Гдѣ господствуетъ латинская церковь въ IX и X в., тамъ раздается шумъ оружія; не то на Востокѣ — греческіе проповѣдники не подчиняютъ новопросвѣщенныхъ византійскому царю, а служатъ религіозной идеѣ. Въ этомъ, на мой взглядъ, сказались народныя и психологическія черты, отличающія систему римскихъ завоеваній отъ процесса эллинской колонизаціи.

Такимъ образомъ, въ томъ обстоятельствѣ, что Россія приведена была въ ближайшія сношенія съ Византіей, я не могу не усматривать глубокой важности для нашего просвѣщенія и культурнаго развитія. Что мы весьма медленно усвояли себѣ заимствованную культуру, въ этомъ нельзя слагать отвѣтственность на грековъ.

VII.

Просвѣщеніе Россіи христіанствомъ.

Въ виду угрожающаго положенія, занятаго Русью по отношенію къ Византіи, и страшной коалиціи, которая могла составиться изъ Русскихъ и Болгаръ—Византія должна была поспѣшить принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ, не останавливаясь даже передъ важными уступками, чтобы сдѣлать Россію безвредной.

Русскія и византійскія извѣстія слишкомъ скупо освѣщаютъ наши внѣшнія отношенія конца X вѣка. Въ самые послѣдніе годы освѣжающая струя привнесена была восточными извѣстіями, на основаніи которыхъ является возможность разсматривать

актъ крещенія Руси въ связи съ политическими обстоятельствами того времени.

Владиміръ возобновляетъ тѣ-же притязанія къ Византіи, какія заявляли его предшественники. Въ 985 и 986 году съ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ Русскіе направились въ Болгарію и дѣйствовали здѣсь уже въ качествѣ союзниковъ болгарскихъ противъ Грековъ. Слѣдствіемъ этого похода было пораженіе, нанесенное Грекамъ при Сардикѣ-Срѣдцѣ въ 986 году и угрожающее движеніе Болгаръ и Русскихъ за Балканы. Съ другой стороны Владиміръ лишилъ Византію послѣдняго оплота на сѣверномъ берегу Чернаго моря, отнявъ у нихъ Корсунь въ 989 г.

Что это были важные факты, оставившіе по себѣ слѣды въ общественномъ сознаніи, доказывается тѣмъ, что византійскіе лѣтописцы разсматривали наблюдавшіяся тогда небесныя знаменія (появленіе кометы и огненные столбы на небѣ) какъ указанія на великія бѣдствія, угрожающія Византіи отъ Русскихъ и Болгаръ. Эти бѣдствія и испытаны были Византіей на двухъ пунктахъ ея сѣверныхъ границъ: въ Болгаріи и въ Крыму.

Я не имѣлъ притязанія совершенно разсѣять туманъ, покрывающій наши отношенія къ Византіи при Владимірѣ Святомъ. На событіяхъ 988 и 989 годовъ все еще лежитъ печать тайны, которую едва-ли въ состояніи раскрыть историкъ при настоящихъ научныхъ средствахъ. Потребовалась бы не малая доля воображенія и поэтическаго чутья, чтобы облечь въ реальные образы тѣ указанія и намеки, которые пробѣгаютъ кое-гдѣ какъ тѣни. Вотъ, по моему мнѣнію, самое реальное изображеніе условій, при которыхъ произошло обращеніе Руси къ христіанству. Оно заимствуется изъ арабскаго писателя «И стало опасно положеніе царя Василія и истощились его средства и побудила его нужда *послать къ царю Руссовъ, враговъ своихъ*, чтобы просить у нихъ помощи. И согласился онъ на это. И заключили

они между собой договоръ о свойствѣ, и женился царь Руссовъ на сестрѣ царя Василія, поставивъ ему условіемъ, чтобы крестился онъ и народъ его, а они народъ великій. И послалъ къ нему царь Василій митрополитовъ и епископовъ и они окрестили царя и его народъ, и отправилъ къ нему сестру свою и она построила многія церкви въ странѣ Руссовъ».

Извѣстно, что послѣ Владиміра Русскіе не претендовали на Корсунь, не предпринимали морскихъ походовъ на Византію, а что касается до Болгаріи — то они совершенно предоставили ее во власть византійскаго императора и на долго забыли преданія югозападной политики первыхъ князей. «Западные волки», какъ называетъ Русскихъ одинъ писатель, «*такъ были укрощены, что обратились въ послушное стадо овецъ. Русь стала теперь оберегать Византію отъ нападенія звѣрей*».

Не оружіемъ, не воинскими доблестями одержала Византія эту побѣду, а своимъ *моральнымъ воздѣйствіемъ на Русь и удовлетвореніемъ ея духовныхъ потребностей.*

Ближайшіе ко времени Владиміра русскіе писатели пытались разъяснить мотивы обращенія его къ христіанству, но никакихъ положительныхъ свѣдѣній не могли передать, и это тѣмъ болѣе знаменательно, что нѣкоторыя извѣстія относятся къ первой половинѣ XI в. Но соображенія Иларіона и монаха Іакова важны для насъ хотя бы и по тому, что на основаніи ихъ мы можемъ утверждать, что обращеніе Владиміра произошло безъ той почти обязательной въ подобныхъ случаяхъ обстановки, какая наблюдается въ сказаніяхъ объ обращеніи языческихъ князей. Мы тѣмъ настойчивѣй подчеркиваемъ эту мысль, что она отмѣчена самымъ близкимъ къ Владиміру писателемъ, который, намекая на эту обстановку, заявляетъ: «безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благаго смысла и разумѣнія». Актъ крещенія Владиміра до такой степени былъ дѣломъ личной воли его, что онъ остался совершенно не яснымъ ближайшимъ за нимъ поколѣ-

ніямъ: черезъ сто лѣтъ уже не могли Русскіе сказать, гдѣ онъ крестился — въ Кіевѣ, Василевѣ, Корсуни или, можетъ быть, въ Константинополѣ?

Я думаю объяснить это именно тѣмъ, что крещеніе Владиміра было вызвано политическими отношеніями, которыя сложились наиболѣе благопріятно для Руси и гибельно для Византіи между 986—989 годами. Русь выступала съ притязаніями играть роль между христіанскими европейскими государствами и порывалась завоевать себѣ твердое положеніе на Дунаѣ и на Черномъ морѣ. Куда могли направиться ея дальнѣйшіе планы, объ этомъ можно догадываться по гордымъ вызовамъ, посланнымъ къ Грекамъ Святославомъ и Владиміромъ.—Но уже расширеніе политическаго кругозора Руси должно было привести ее къ сознанію, что въ старой вѣрѣ отцовъ нельзя имѣть вліянія ни между Греками, ни между Болгарами. Владиміръ искалъ въ христіанствѣ средства устроить свою землю на подобіе греческаго и болгарскаго царства. Къ Константинополю привлекали его столько же торговыя и политическія выгоды, сколько религіозный авторитетъ греческой церкви.—Но я весьма сомнѣваюсь, что бы Владиміръ шелъ на встрѣчу тому, что дѣйствительно встрѣтило его въ христіанствѣ. Это уже всецѣло нужно приписать первымъ его руководителямъ въ духовной жизни, что онъ почелъ суетой свои прежніе планы и изъ волка обратился въ агнца.

Пусть другіе произносятъ обвинительный приговоръ надъ Византіей, для насъ это было бы святотатственнымъ поступкомъ. Въ концѣ X в. эллинскій геній, сдѣлавъ послѣднее напряженіе, пахнулъ на великій народъ, населяющій обширныя земли къ сѣверу отъ Чернаго моря. Русскіе люди уже съ XVI столѣтія начали высказываться объ оставленномъ намъ Византіей наслѣдствѣ,

съ которымъ связаны громадныя обязательства. И теперь, въ концѣ XIX в., мы можемъ смѣло сказать, что не угасили въ себѣ живаго духа, передавая на отдаленный востокъ просвѣтительныя начала.

Когда черезъ 100 лѣтъ будетъ праздноваться тысячелѣтіе просвѣщенія Россіи христіанствомъ, тогда, надѣюсь, будутъ популярнѣй византійскія занятія, тогда будутъ открыты въ университетахъ и академіяхъ каѳедры по Византіи, будутъ дѣйствовать ученыя общества, занятыя византиновѣдѣніемъ, въ журналахъ будутъ печататься статьи по византійской исторіи и литературѣ. Ученые и ораторы, имѣющіе говорить черезъ 100 лѣтъ послѣ насъ, будутъ доказывать, что XX столѣтіе открыло въ изученіи Византіи кладъ, обогатившій русскую науку, и давшій ей національное содержаніе. — Мм. Гг., мы отнимемъ у этихъ ораторовъ лишній поводъ бросить на нашъ счетъ красное словцо, когда публично засвидѣтельствуемъ, что и мы, современники 900 лѣтняго юбилея крещенія Руси, понимали, что въ изученіи Византіи заключаются насущныя потребности Русской науки и нравственный долгъ Русскаго народа.

Изданія Кирилло-Мееодіевскаго книжнаго склада

ПОСТУПИВШІЕ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. «Робинзонъ», изъ «Ясной Поляны» (журналъ графа Л. Толстаго). Изданіе 5-е. Цѣна 10 к.
2. «Колумбъ», «Михалычъ», Глѣба Успенскаго изъ «Ясной Поляны» (журналъ графа Л. Толстаго). Книжка 2-я, изданіе 4-е. Цѣна 10 коп.
3. Въ память 900-лѣтія Крещенія Руси. П. Занкова. Цѣна 5 к.
4. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Проф. Ѳ. И. Успенскаго. Цѣна 50 к. съ пересылкой.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ слѣдующіе разсказы изъ «Ясной Поляны»:

1. Разсказы про Петра Великаго.
2. Хижина дяди Тома.
3. О томъ, какъ Кенъ отыскивалъ Франклина.
4. Никонъ.
5. Магометъ.
6. Солдаткино житье.
7. Ермакъ.
8. Ложкой кормить, стеблемъ глаза колетъ.

ВЪ КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОМЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ,

помѣщающемся при аудиторіи Народныхъ Чтеній (Ямская, 66), имѣются въ продажѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія книги слѣдующихъ изданій:

1. Изд. С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.
2. Изд. Постоянной Коммиссіи по устройству Народныхъ Чтеній въ С.-Петербургѣ.
3. Изд. Народной Библіотеки В. Маракуева.
4. Изд. Дешевой Библіотеки Суворина.
5. Изд. Досугъ и Дѣло.
6. Изд. Мірской Вѣстникъ.
7. Изд. Посредника.
8. Изд. Всеобщей Библіотеки.
9. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ,

и 10. Разныя изданія произведеній русскихъ классиковъ.

При Кирилло-Меѳодіевскомъ книжномъ складѣ существуетъ Библіотека изъ книгъ для Народнаго Чтенія. Книги выдаются на домъ даромъ, взимается только залогъ въ суммѣ стоимости взятой для прочтенія книги. Залогъ возвращается по первому заявленію, послѣ исправнаго возвращенія книги.

Въ аудиторіи Народныхъ чтеній каждое воскресеніе устраиваются чтенія. Плата за входъ 5 к., за исключеніемъ религіозныхъ чтеній, когда входъ въ аудиторію безплатный.

При покупкѣ изданій Кирилло-Меѳодіевскаго книжнаго склада на сумму не менѣе 10 р., дѣлается уступка въ 30%. Пересылка на счетъ покупателя. За всѣми справками слѣдуетъ обращаться къ завѣдывающему книжнымъ складомъ Ивану Васильевичу Карвацкому (Ямская, 66).

ЦѢНА 50 КОП.